

и *нарушает* этот процесс. В первом случае важно единообразие, во втором – контраст» [6, с. 135].

Итак, музыкальная фигура не должна уходить от течения времени, то есть подвергаться варьированию (основной принцип развития нововенской школы), поскольку единообразие дает эффект только с течением времени. Такое временение относится к музыкальному материалу предельно буквально, то есть оно не метафизирует над хроносом, пытаясь оставить восприятие материала тождественным его свершению. В этом случае музыкальная фигура подчиняется законам времени, а не наоборот, как у Шёнберга. И с этой точки зрения Стравинский и Паунд могут считать штудии нововенцев «вневременными». Однако то, что для Стравинского является символом временения, Адорно интерпретирует как «замораживание» времени:

«Музыка Стравинского избегает *диалектической* полемики с протеканием музыкального времени, составлявшей сущность всей великой музыки, начиная с Баха», – пишет он [1, с. 296].

Отходя от предельных философских выкладок, можно высмотреть в подобном протекании и развитии музыки моменты, отсылающие нас в непредсказуемое, по отношению к конструкции и непосредственно идеи, будущее, в котором временение возможно либо перестанет существовать как таковое, либо по аналогии станет самым определяющим и смыслообразующим звеном.

Сейчас просматривается закономерность временения музыкального произведения в пользу продления его продолжительности, через мнимое замедление времени в самом произведении, а зачастую и полную его остановку. В особенности этот феномен интересен в новейшей танцевальной музыке. Что в первую очередь говорит о проникновении концептуальных особенностей одной музыки (неоклассической) в другую, которую классической никак не назовешь.

Кроме такого, немаловажного для понимания новейшей музыки аспекта как эксперименты с хроносом, выявляется цепочка определенных музыкальных феноменов, показывающие невозможность дальнейшего рассуждения об элитарности музыки и, о её массовости, как о противоположностях.

В этом контексте, предлагаю градацию по типу идейного признака. Это позволяет отойти от проблемы, так немало волновавшей Адорно и многих других философствующих критиков музыки последних столетий, а именно, «серьёзности» разнообразия музыкальных продуктов, так как точкой в этом вопросе является даже не *principium individualis*, на который списывалось достаточное количество не разрешаемых на тот момент споров, а, скорее, вытекающий из него, вопрос интенциональной мотивации композитора.

1. Адорно Т. *Философия новой музыки*. - М.: Логос, 2001. - 352 с.

2. Чердниченко Т.В. *Тенденции современной западной музыкальной эстетики. К анализу методологических парадоксов науки о музыке*. - М.: Музыка, 1989. - 223 с.

3. Булез П. *Идея, реализация, ремесло // Ното musicus: Альманах музыкальной психологии*. - М.: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 1994. - С. 91-136.

4. Веберн А. *Лекции о музыке. Письма*. - М., 1975.

5. Штокхаузен К. *Структура и время переживания // Ното musicus: Альманах музыкальной психологии '95*. - М.: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 1995. - С. 76—94.

6. Сувчинский П. *Понятие о времени и Музыка (размышления о типологии музыкального творчества) (1939) // Вишневецкий И.Г. «Евразийское уклонение» в музыке 1920—1930-х годов: История вопроса. Статьи и материалы А. Лурье, П. Сувчинского, И. Стравинского, В. Дукельского, С. Прокофьева, И. Маркевича*. - Монография. - М.: Новое литературное обозрение, 2005. - С. 356—367.

7. Шёнберг А. *Убеждение или познание? // Зарубежная музыка XX века*. - М., 1975.

8. Асафьев Б.В. *Книга о Стравинском*. - Л., 1977. - 289 с.

Бұл мақалада XX ғасырдағы музыка мәселесінің элеуметтік-мәдени жағдайлары туралы баяндалған. Сондай-ақ осы мәселеге қатысты философиялық ойлар толғанысы көрсетілген.

This article is devoted to the analysis of social, cultural and technical conditions of the evolution of musical phenomena in XX century in some music theoretical and philosophical respects.

Б.С. Тулегенов

ГРЯДУЩИЙ МИР

Мир преобразовался до неузнаваемости обретая черты футуризма и неумолимого технического прогресса. Что же касается техногенной цивилизации, то в ней доминируют иные идеалы – возможность индивида включиться в самые различные социальные общности и корпорации. Человек становится суверенной личностью именно благодаря тому, что он жестко не привязан к той или иной конкретной социальной структуре, не сращен с ней, а может и способен гибко строить свои отношения с другими людьми, погружаясь в различные социальные общности, а часто в разные культурные традиции. В качестве важнейшего компонента культурной матрицы техногенных обществ следует отметить особое понимание власти и господства над природными и социальными обстоятельствами. Пафос преобразования мира порождал особое отношение к идеям господства силы и власти. В традиционных культурах они понимались, прежде всего как непосредственная власть одного человека над другим. В патриархальных обществах и азиатских деспотиях власть и господство распространялись не только на подданных государя, но и осуществлялись мужчиной, главой семьи, над женой и детьми, которыми он владел так же, как царь или император телами и душами своих подданных. Как писал Герцен об обществах древнего Востока, человек здесь «не понимал своего достоинства; оттого он был или в прахе валяющийся раб, или необузданный деспот» [1, с.20-27]. В техногенном мире также можно обнаружить немало ситуаций, в которых господство осуществляется как сила непосредственного принуждения одного человека другим. Однако отношения личной зависимости перестают здесь доминировать и подчиняются новым социальным связям, которые К. Маркс назвал отношениями вещной зависимости. Их сущность определена всеобщим обменом результатами деятельности, приобретающими форму товара. Власть и господство в этой системе отношений предполагают владение капиталом и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей, информации как товарных ценностей, имеющих денежный эквивалент) [2, с. 36-60]. В результате в культуре техногенной цивилизации происходит своеобразное смещение акцентов в понимании предметов господства силы и власти – от человека к произведенной им вещи. В свою очередь эти новые смыслы легко соединялись с идеалом деятельностно-преобразующего предназначения

человека. Сама преобразующая деятельность расценивается как процесс, обеспечивающий власть человека над предметом, господство над внешними обстоятельствами, которые человек призван подчинить себе. Еще важной составляющей в интересующей нас системе ценностей техногенной цивилизации является особая ценность научной рациональности, научно-технического взгляда на мир, ибо научно-техническое отношение к миру является базисным для его преобразования [3, с. 153-172]. Все эти мировоззренческие установки конкретизировались в целом ряде смыслов других ценностей и менталитетов техногенной культуры – в отношении к инновациям, творчеству и прогрессу как высшим ценностям, в понимании и переживании времени как необратимого движения от прошлого через настоящее в будущее*, в представлениях о свободе, добре и зле, добродетели и труде и т. д. Успехи техногенной цивилизации в технико-технологических инновациях, в улучшении образа жизни людей, в ее победоносном шествии по всей планете порождали представление, что именно она является магистральным путем развития человечества. Сейчас в мире идет напряженный поиск новых путей развития, новых человеческих ориентиров. Поиск осуществляется в различных областях человеческой культуры – в философии, искусстве, религиозном постижении мира, в науке. Речь идет о фундаментальных основаниях человеческого бытия, о выработке новых ценностей, которые призваны обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества. Необходим пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира. Предпосылки для новой мировоззренческой ориентации создаются сегодня внутри самой техногенной цивилизации, на переходе ее от индустриального к постиндустриальному развитию.

Уже не раз высказывалась мысль о необходимости осознать нашу ответственность за сохранение природы и существование человечества, изменить наше отношение к окружающей человека сфере жизни на Земле. Эти идеи разрабатывались еще в исследованиях Римского клуба [5, с. 132-143]. Известны также разработки экологической этики, в рамках которой наиболее радикальные направления провозглашают отказ от идеала господства человека над природой. Эти мысли о новой этике имеют немало сторонников. Из западных

авторов я бы выделил работы Б. Калликотта, Р. Атфильда, Ф. Метьюэ, Б. Дивола и Д. Сеженса. И конечно же, в качестве первоисточника справедливо упомянуть идеи А. Швейцера о благоговении перед жизнью. Сегодня предпринимаются попытки расширить понимание категорического императива, применяя его не только в сфере нравственных отношений людей, но и в отношениях человека к живой природе. Но здесь возникает проблема, связанная с возможностями укоренения новых мировоззренческих образов и этических регулятивов в массовом сознании. Ведь они во многом ориентируют на созерцательное отношение к природе, свойственное скорее традиционным, чем техногенным культурам. Идеи новой этики, инициированные угрозой грядущей экологической катастрофы, если им не найти альтернативных тенденций в современном научно-техническом развитии, могут интерпретироваться как требование ограничить извне это развитие и даже отказаться от него [6, с. 7-10]. Но возврат к традиционалистскому типу развития невозможен. В эпоху Ренессанса, когда готовился старт техногенной цивилизации, на всей Земле жило 500 миллионов человек, а сейчас их 6 миллиардов, и без современных технологий невозможно даже минимальное жизнеобеспечение населения планеты. Кроме того, не следует забывать, что бережное отношение к природе, благоговение перед ней в традиционных культурах сопрягалось с определенным пренебрежением к человеку [6, с. 12-58], жизнедеятельность которого в шкале ценностных приоритетов была как бы на вторых ролях. Поэтому, когда мы говорим о возможностях потенциала восточных культур, отношение к нему должно быть избирательным, а свойственная западной цивилизации приоритетная ценность человека, его духа и его деятельности, судя по тенденциям постиндустриального развития, должна не только сохраниться, но и обрести новые измерения. Я думаю, что наше будущее отношение к природе не сведется к созерцанию ее и адаптации к ней. Человек по-прежнему будет видоизменять природу. Весьма вероятно, что преодоление экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарных масштабах, а с расширяющимся окультуриванием природной среды. В этом процессе важную роль будут играть не только природоохранные меры, направленные на сохранение тех или иных естественных локальных экосистем, но и искусственно созданные биогеоценозы, обеспечивающие необходимые условия устойчивости биосферы. Вполне возможно, что в этом благоприятном для человечества сценарии окружающая нас

природная среда все больше будет аналогичной искусственно созданному парку или саду и уже не сможет воспроизводиться без целенаправленной деятельности человека. И в этом будет состоять предназначение человека, который так изменил облик планеты, что стал реальной силой, определяющей сохранение биосферы. В принципе эти идеи высказывались в двух направлениях: религиозное и научное. В обоих можно найти критику свойственной западной, техногенной цивилизации идеала деятельности, нацеленного на эксплуатацию природы, сугубо технологическое к ней отношение. Русские философы писали о возможных катастрофических последствиях такой деятельности, предсказывая глобальную экологическую катастрофу задолго до того, как обозначились реальные признаки экологического кризиса. Но предлагаемые в русском космизме проекты будущего не отбрасывали западную традицию – ценность творческой личности, научной рациональности и др. Идеалом философии космизма было объединение человечества в планетарном масштабе, коэволюция человека и природы, управление природой как особым организмом, в который включен человек. Идеи Вернадского о биосфере и ноосфере перекликались не только с идеями Леруа и Шардена, но и с идеями восточных культур о связи истины и нравственности, о самоограничении и самовоспитании как условии эффективной деятельности человека. Тенденции современного научно-технического развития как предпосылка новых ценностей в системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры человек рассматривается как противостоящий природе, вектор его активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней; вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию. Я думаю, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание. Предпосылки такого синтеза возникают не только благодаря осознанию опасности глобальной экологической и антропологической катастрофы, угрозы грядущего апокалипсиса, осознанию, стимулирующему поиск новых ценностей и этических

регулятивов деятельности. Эти предпосылки порождаются также и современными тенденциями научно-технического развития, которое составляет один из базисных компонентов всей современной цивилизации. Не отрицая ценности идей новой этики, я предлагаю посмотреть на них с иной точки зрения, увязать их с происходящими внутри самого техногенного развития изменениями типа научной рациональности и стратегий технологической деятельности. Эти стратегии связаны с освоением принципиально новых типов объектов, которые представляют собой сложные саморазвивающиеся системы. Среди них главное место занимают человекоразмерные системы, включающие человека в качестве своего особого компонента. Образцами таких систем выступают: биосфера как глобальная экосистема, биогеоценозы, объекты современных биотехнологий, социальные объекты, системы современного технологического проектирования. Сегодня в социальных и производственных технологиях все чаще проектируются не просто техническое устройство и даже не система «техническое устройство – человек», а целостный комплекс, выступающий как сложная развивающаяся система: «техническое устройство – человек» плюс особенности природной среды, в которую будет внедряться соответствующая технология, плюс особенности социокультурной среды, принимающей данную технологию [7, с. 102-105]. Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и древними восточными культурами. И это очень важно, если иметь в виду проблемы диалога культур как фактора выработки новых ценностей и новых стратегий цивилизационного развития. Долгое время наука и технология в новоевропейской культурной традиции развивались так, что они согласовывались только с западной системой ценностей. Теперь выясняется, что современный тип научно-технологического развития можно согласовать и с альтернативными и, казалось бы, чуждыми западным ценностям мировоззренческими идеями восточных культур. Прежде всего, следует сказать о тех принципиально новых идеях современной научной картины мира, которые касаются представлений о природе и взаимодействии с ней человека. Эти идеи уже не вписываются в традиционные для техногенного подхода понимание природы как косного мира, безразличного к человеку, и отношение к природе как к «мертвому механизму», с которым можно экспериментировать и который можно осваивать по частям, преобразовывая его и подчиняя человеку. В

современной науке сформировалось новое видение природной среды, в которой протекает жизнедеятельность людей. Природа начинает рассматриваться не как конгломерат качественно специфических объектов и даже не как механическая система, но как целостный живой организм, преобразование которого человеком может проходить лишь в определенных границах. Нарушение этих границ приводит к изменению системы, ее переходу в качественно иное состояние, могущее вызвать необратимую деградацию системы, исчезновение многих биогеоценозов и гибель человечества. Вплоть до середины XX столетия такое «организмическое» понимание окружающей человека природы воспринималось бы как своеобразный атавизм, возврат к полумифологическому сознанию, не согласующемуся с научными идеями и принципами [7, с. 63-68]. Но после того, как сформировались и вошли в научную картину мира представления о живой природе как сложном взаимодействии экосистем, после становления и развития идей В.И. Вернадского о биосфере как целостной системе жизни, взаимодействующей с неорганической оболочкой Земли, после развития современной экологии, это новое понимание непосредственной сферы человеческой жизнедеятельности как организма, а не как механической системы, стало научным принципом, обоснованным многочисленными конкретными теориями и фактами. Весьма показательным, что все эти новые мировоззренческие идеи, возникшие в западной культуре второй половины XX в. и опирающиеся на современные научные [8, с. 38-51] представления об окружающей человека природной среде, переключаются с мировоззренческими установками восточных культур. Представления о мире как едином организме, все части которого влияют друг на друга, можно обнаружить практически во всех традиционных космологиях Востока. В этих культурах полагался идеал внутреннего единства и гармонии человека и природы. Это единство выражал принцип даосизма и конфуцианства «одно во всем и все в одном» и буддийское учение о дхарме, где все элементы дхармы полагались равносильными и связанными между собой. «Все пронизывает единый путь – дао, все связано между собой. Жизнь едина, и стремление каждой ее части должно совпадать со стремлением целого». Человек, включенный в мир, должен ощутить мировой ритм, привести свой разум в соответствие с «небесным ритмом», и тогда он сможет постичь природу вещей и услышать «музыку человечества». Выясняется, что в сложных исторически развивающихся системах особую роль начинают

играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. Для открытых, самоорганизующихся систем такие взаимодействия выступают конституирующим фактором. Именно благодаря им система способна переходить от одного состояния самоорганизации к другому, порождая новые структуры в процессе своей эволюции. Кооперативные свойства прослеживаются в самых различных саморегулирующихся системах, состоящих из очень большого числа элементов и подсистем. Их можно обнаружить, например, в поведении плазмы, в когерентных излучениях лазеров, в морфогенезе и динамике популяций, в экономических процессах рыночного саморегулирования. Наконец, можно констатировать, что ситуация освоения в познании и практике сложных развивающихся систем по-новому ставит проблему демаркации между истиной и нравственностью, целерациональным и интуитивным действием, которые резко различали западную и восточную культурные традиции. Рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле можно сказать, что развитие в лоне западной культурной традиции представления об особой ценности научной рациональности остаются важнейшей опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность обретает новые модификации в современном развитии. Сегодня во многом теряет смысл ее жесткое противопоставление многим идеям

традиционных культур. Новые точки роста создают иную, чем ранее, основу для диалога западной культуры с другими культурами. У человечества есть шанс найти выход из глобальных кризисов, но для этого необходимо осуществить духовную реформацию и выработать новую систему ценностей

1. Фукуяма Ф. *Конец истории // Вопросы философии.* – 1990. – Выпуск 3. – С. 52-55.

2. *Предмет и специфика философского знания на пороге XXI века // Материалы Республиканской научно-теоретической конференции.* – Алматы, 2000. – С. 15-30.

3. Кен Уилбер. *Краткая история Всего Владивостока.* – М., 1997.

4. Рорти Р. *Философия и зеркало природы.* – Новосибирск, 1997.

5. *История современной и зарубежной философии: компаративистский подход.* – СПб., 1997.

6. Швейцер А. *О Благоговение перед жизнью.* – М., 1992.

7. *Философия древнего Востока.* – Новосибирск, 1986.

8. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. *Философия науки и техники.* – 1999.

* * *

Мақалада әлемдегі даму мен өзгерістер үдерісі, әлемдегі құрылымдық айырмашылықтар және мәдениет сұхбаты өркеніет дамуының жаңа стратегиясы мен жаңа құндылықтар дайындау факторы ретіндегі мәні ашылады.

* * *

Article is devoted the subsequent tendency of development and world change in general in its structural difference and to its planimetric oppositions in dialogue of cultures as factor of development of new values and new strategy civilizational developments.

Ш.Ш. Әлиев

АҚПАРАТТАНҒАН ҚОҒАМ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ БАСҚАРУДЫҢ НЕГІЗГІ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

XXI ғасыр – ақпарат ғасыры болып табылады, адамзат қауымы дамудың жаңа сатысына – ақпараттық қоғамға аяқ басты. Бүгінгі таңда қоғамдық санаға ықпал ететін бұқараны ортақ мақсатқа жұмылдыратын бірден-бір күш - бұқаралық ақпарат құралдары болып табылады. Ақпарат – кез келген шекараны бұзып-жарып өтіп кете беретін сынаптай сырғыған қару екендігін ұмытпаған абзал. Ал XXI ғасырдың негізгі құндылығы – ақпарат. Ақпарат таратуда теледидар, газет-журналмен қатар ғаламтордың да үлес салмағы артып келеді. Бұл процестердің қоғамдық сананың қалыптасуы мен өзгерісіне тигізер әсері мол. Бүгінгі күні маңызды ақпа-

ратқа ие болу – билікке ие болу дегенді білдіреді. Осы тұста азаматтардың ақпараттық сауатты болуы маңызды. Олай болмаса біз өркеніет көшінің артында қалып кетеміз. Бүгінгі жаһанданған әлемдегі технологиялық инновацияның шарықтаған заманында: интернет, спутниктік байланыс арқылы мәтін, аудио, видеоеақпараттардың тез арада әлемге таралуы, олардың географиялық, экономикалық, рухани аймақ шекарасынан ары шығып кетуі осыған айғақ. Осындай әлемдік ауқымда жүріп жатқан заманауи үрдістен, өркеніеттің көшінен біздің еліміз де қалыс қала алмасы түсінікті. Қаласақ та, қаламасақ та заман ағымы осылай.